



## СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ



### Вызовы глобализации



## НОВАЯ СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЧАСТЬ II

*Х.Э. МАРИНОСЯН*

Продолжая разговор о национальных государствах и преследуя цель найти ответы на поставленные в первой части статьи (2016, № 8) вопросы – насколько же реалистичны перспективы в отстаивании конкретных национальных форм глобализационных стратегий и для каких стран они в действительности осуществимы, приходим к очевидному выводу, что однозначно положительно можем ответить относительно стран «первого мира» и, прежде всего, США как основного актора и реализатора неолиберальной версии евро-атлантической глобализации. В предыдущих статьях мы неоднократно показывали, что современная глобализация есть не что иное, как распространение в других регионах планеты (в тех, которые выберут сами США) североамериканской модели миропонимания и мироустройства в широком смысле этого определения, т.е. с небольшими оговорками можно утверждать, что современная форма глобализации и американизация суть синонимы.

Но каковы же шансы других государств «на равных», если можно так выразиться, вписаться в евро-атлантический глобальный контекст и многие ли из них в обозримом будущем останутся на политической карте мира? И удастся ли тем, кто останется (или, чтобы остаться), выработать собственные – национальные – формы глобализационных стратегий и какие именно?

Варианты ответов на эти вопросы в современных научных изысканиях зависят, в частности, от предпосланных им парадигм исследования современного мира. Так, например, опираясь на собственный вариант теории постиндустриального общества (названный им концепцией «постэкономического общества»), В.Л. Иноземцев пишет об исчерпанности модели «догоняющего» развития («догоняющей модернизации»), последнее, относительно успешное использование которой мы могли наблюдать в послевоенной Японии и, отчасти, в

странах Юго-Восточной Азии. В то время как подавляющее большинство стран, пишет автор, продолжают находиться на индустриальной стадии развития (или стремятся достичь этой стадии), западноевропейские государства и США вступили в эпоху «постэкономического общества», знаменующего собой «новую современность», где «общественный и хозяйственный прогресс базируется на органичной приверженности личностей к самореализации и на развитии наукоемких отраслей производства, в которых реализуется национальный потенциал»<sup>1</sup>. Сможет ли Япония, не говоря уже о других странах, отвечать этим условиям в XXI веке? По-мнению Иноземцева, нет.

Во-первых, анализ японского опыта дает основание полагать, что «быстрый хозяйственный прогресс индустриального типа не является достаточным условием становления саморегулирующейся системы, в которой вызревают и получают широкое распространение постматериалистические ценности»<sup>2</sup>. Такая система не может возникнуть в ходе индустриализации как таковой: в государствах, развивавшихся естественным образом, данный процесс занял десятки, если не сотни, лет, хотя при этом всегда активно подталкивался политическими и военными потребностями общества. Во-вторых, «искусственно стимулируемое “догоняющее” развитие... неизбежно требует инвестиционной накачки экономики»<sup>3</sup>, т.е. должно стимулироваться извне: поэтому японское правительство вынуждено постоянно изыскивать возможности для капиталовложений.

В-третьих, опыт Японии показал, что сегодня в мировой экономике не может доминировать страна, которая не является мощным источником научно-технологических нововведений (в первую очередь в сфере высоких, когнитивных технологий) и не имеет положительного сальдо в торговле с остальным миром, в том числе, патентами и изобретениями. Японская промышленность сформировалась в условиях, когда доступ к новым технологиям, имеющимся в других странах объективно был практически открыт и их применение, и дальнейшее совершенствование дополнительно поощрялось посредством соответствующей политики, реализуемой Министерством внешней торговли и промышленности. Не в последнюю очередь именно этим объясняется явное пренебрежение японцев проблемами образования и научных исследований. Образование поддерживалось на высоком уровне, но оставалось унифицированным, НИОКР занимали сравнительно небольшое место, «в целом же культивируемые в обществе ценности и традиции препятствовали проявлению того индивидуализма, который только и может принести научные, технологические и хозяй-

ственные достижения, адекватные потребностям наступающего столетия»<sup>4</sup>.

Так может ли сейчас или в более отдаленной перспективе какая-либо нация за пределами Западной Европы и США применить принципы организации западного общества для обеспечения собственного развития, спрашивает автор. И тут же отвечает: «С нашей точки зрения, ответ должен быть отрицательным, причем по нескольким фундаментальным причинам. Первая заключается в уже существующем хозяйственном и, что более существенно, научном и интеллектуальном разрыве, который образовался за последние полвека. Сосредоточив у себя лучших ученых, располагая максимальным научным потенциалом, США и Западная Европа не утратят теперь своего лидерства не только потому, что имеют большие финансовые возможности для поддержания приоритета. Научное сообщество по самой своей природе устроено так, что его представители стремятся быть в возможно более тесном взаимодействии»<sup>5</sup>. Так что шансов догнать и перегнать Запад у «всего остального мира» в обозримом будущем нет.

Иначе рассуждают уже не раз упоминавшиеся нами авторы фундаментальной монографии «Глобальный капитализм...» Точно так же разделив человечество на Запад и «весь остальной мир», они интерпретируют историческую динамику последних четырех столетий как перманентную модернизацию: 1) модернизацию самого Запада и 2) череду попыток других стран встать на путь «догоняющей модернизации», цель которых — «стать Западом», «современностью» (modernity), воплотившей в себе наилучшую («капиталистическую») хозяйственную систему и, одновременно, передовой тип общественного (экономического, социального и политического) развития, в совокупности выступающие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования.

Прочно связав человечество узами транснационального финансового капитала, капитализм действительно стал глобальным. Вместе с тем начавшийся со второй половины 1990-х гг. очередной виток глобализации показал бесперспективность политики «догоняющей модернизации» и, вызвав к жизни плюрализацию и кризис идентичности во многих незападных странах, в конце концов дал толчок к выработке их правительствами национальных моделей модернизации<sup>6</sup>. Капитализм стал глобальным и одновременно — очень разнообразным, и, так и не решив многие из прежних проблем, породил множество новых.

Запад отреагировал на них очередным кризисом конвенционализации, выразившимся в новом теоретическом оправдании «космополитизма»,

появлении концепций «рефлексивной современности», «глобального гражданства» и «глобального гражданского общества», «коммуникативной этики» и концепции «третьего пути». Подробно анализируя эти и многие другие концепции, авторы приходят к выводу, что ни одна из них не может предложить устраивающие всех рецепты решения глобальных проблем современности, но все они в чем-то дополняют друг друга, создают пространство диалога и активно влияют на политику правительств государств самой разной цивилизационной принадлежности. От того, в каком направлении будут двигаться эти страны, отвечая на вызов Запада, вырабатывая собственные представления о прогрессе, собственные модели модернизации и национального развития, во многом зависит грядущее устройство мира.

В этой связи авторы книги предлагают два макросценария развития стран «автохтонного» (местного) капитализма и хозяйственной демократии. Первый — использование хозяйственной машины капитализма, удержание рыночного механизма в рамках имеющейся социально-культурной или политической специфичности. Второй — «наступление “нового Нового времени” для незападных стран». Первый сценарий основан на предположении, что незападные страны будут обеспечивать политическую и цивилизационно-культурную защиту своих обществ от господства западной экономической машины<sup>7</sup>. Второй предполагает, что незападные капитализмы начнут эволюционировать в сторону подчинения общества экономике. Этот макросценарий распадается на три возможных микросценария.

1. Эволюция многообразных национальных незападных моделей капитализма или хозяйственных демократий по типу той, которую претерпел Запад, начиная с Нового времени. Их ждут индустриализация, становление буржуазных наций, превращение Запада в один из многих вариантов воплощения капитализма новой современности.

2. Микросценарий выработки Восточной Азией во главе с Китаем новой модели развития для всего азиатского региона, имеющей общемировое значение.

3. Микросценарий конвергенции азиатского развития по капиталистическому пути или пути хозяйственной демократии с западным капитализмом. В этом случае будет иметь место использование труда и людских ресурсов Азии при ориентации на политические системы и технику Запада, устранение отчуждения на Западе посредством развития концепции человеческого капитала, сохраняя заметный экономический рост в странах незападного капитализма<sup>8</sup>.

А что же в итоге? Какое будущее ждет человечество: будущее с капитализмом или будущее без капитализма, будущее с Западом или

без него? Отвечая на эти вопросы, авторы, в полном соответствии с идеями социальной синергетики, пишут, что сегодня «история», как и ранее физика, столкнулась с обратимостью времени. «Прежде никто не мог предположить, что будущее станет прошлым. Будущее капитализма — это повторение его прошлого, повторение становления капитализма на Западе в странах с иной рациональностью. Модерн — незавершенный проект, потому что он начинается в других местах»<sup>9</sup>.

С этим выводом авторов трудно не согласиться.

Вместе с тем интерпретация истории Нового и Новейшего времени под углом зрения становления и распространения «капитализма» в категориях «вызов Запада» — «ответ остального мира» вызывает сомнения. Как уже отмечалось, история человечества никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущей к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития, а центры исторического развития, как было показано в предыдущих главах, неоднократно менялись местами. Не исключено, что это произойдет в будущем, и полюс исторического доминирования сместится в сторону нынешней мировой «полупериферии», а именно стран с иной — незападной — цивилизационной идентичностью. Определенные предпосылки для развития мировой истории по такому сценарию наблюдаются уже сегодня.

Предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но главным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих — западных и национальных — форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации, предполагающего вовлечение в свою орбиту большинства сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего только экономическую сферу.

Пример «национального» варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После Второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные

структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию<sup>10</sup>.

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, Индии и Китая. Китайское руководство, как и китайские ученые, исходят из того, что глобализация является объективным процессом. Но подходят они к ней так, чтобы, как пишет В.Г. Буров, «извлечь из нее максимум выгод для страны, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с данным процессом»<sup>11</sup>. Китайское руководство настойчиво добивалось приема в ВТО, но с такой же настойчивостью оно отстаивало в ходе обсуждения условий приема собственные интересы. Некоторые уступки (снижение тарифов на высокотехнологичную продукцию из США и др.) были сделаны лишь на словах, чтобы добиться результата на переговорах. В стратегическом же плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и зарождающихся отраслей промышленности. С другой стороны, как указывает Лин Чан, китайцы обнаружили, что некоторые меры ВТО могут быть обращены в орудие самозащиты (использование антидемпинговых законов, повышение контроля над качеством импортных товаров и др.)<sup>12</sup>.

Как пишет Ф. Саундерс, китайские лидеры признавали необходимость углубления интеграции с международной экономикой, но стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость<sup>13</sup>. В существующих глобальных «правилах игры» китайцев не устраивает то, что международные организации контролируются крупными богатыми державами, что эти державы используют неравенство стартовых возможностей в отношениях с другими государствами, что правилам глобализации не хватает прозрачности и вырабатываются они на основе ценностей и интересов США и других развитых стран<sup>14</sup>. В результате такой принципиальной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций, причем такой, что по уровню Прямых иностранных инвестиций (ПИИ) она занимает второе место после США. Секрет этого успеха — в сохранении решающей роли государства в экономике. Эта роль особенно возрастает в условиях современной глобализации, сопряженной с нестабильностью вследствие финансовых спекуляций и колебаний мировых рынков. Показательно,

что азиатский кризис 1997–1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана со странами Юго-Восточной Азии, оказавшимися в кризисе. Произошло это по той простой причине, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В итоге оказалось, что лидеры глобализации — «азиатские тигры» стали менее привлекательными партнерами для мировых ТНК, а Китай, напротив, стал более интересен для них вследствие своей недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Поскольку целью мировых ТНК при проникновении в Китай является быстрая прибыль, а не «утверждение демократии», они заинтересованы в стабильном правительстве. Тем более, что в стране вследствие позиции правительства создан климат, нацеливающий, если можно так выразиться, на «китаизацию» продукции ТНК (например, на использование в «Макдональдсах» элементов китайской кухни и пр.), что в свою очередь обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК фактически, возможно, и не желая этого изначально, становятся «патриотичными» в своей стратегии.

Деятельность ТНК на китайской территории относительно свободна от государственного регулирования, тем более в особых экономических зонах — Шанхае и Тяньцзине, причем коммунистическое государство часто оказывается союзником не своих граждан, а ТНК в разрешении трудовых конфликтов. В Китае усиливается поляризация общества, а либерализация торговли не проходит бесследно для внутренних производителей. Вместе с тем важно отметить, что у Китая в отношении Прямых иностранных инвестиций (ПИИ) есть «специфическое» преимущество, заключающееся в том, что приходящий в страну иностранный капитал на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом. В России, как известно, ситуация прямо противоположная, и именно из-за слабости государственного регулирования. Как констатирует проф. Ли Синь, руководство КНР пошло на сочетание различных форм собственности, в России же бывшая номенклатура сосредоточила усилия на экспроприации собственности. В России слепо копировали рекомендации МВФ, впав в либеральный догматизм, а успех китайских реформ связан с их постепенностью и сохранением контроля над экономикой<sup>15</sup>. Помимо привлечения мировых ТНК, инструментами транснационального хозяйствования в КНР выступают государственные ТНК, экспорт капитала и рабочей силы, что в комплексе способствовало резкому усилению активности Китая на международной арене.

Еще одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что при успешном развитии

рыночной экономики, в национальной культуре рыночные ценности не могут доминировать здесь над остальными сферами жизни, прежде всего, социальной и культурной. В результате создается успешный и перспективный баланс, стимулирующий стабильное развитие и экономики, и социокультурной сферы, и, соответственно, страны в целом. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость»<sup>16</sup>.

В отличие от прежних стратегов российских реформ 1990-х гг., китайские руководители сделали акцент на доминирование общественного сектора, государственное финансирование НИОКР, социальную политику и инвестиции в человеческий потенциал. Этот стратегический выбор привел к небывалым темпам роста экономики, совершенно отличным от спада, пережитого Россией, где безразлично относились и к науке, и к человеческому потенциалу, несмотря на результаты проводившихся исследований в Российской Академии наук<sup>17</sup>. Китайский опыт показывает, что все дело в выборе правильной стратегии в условиях глобализации. Китайские руководители и представители интеллигенции правильно решили для себя проблему соотношения глобализации и патриотизма — на основе приоритета национальных интересов при включении в процесс глобализации. «Целенаправленный акцент на патриотизм, чувство национального достоинства, подкрепляемый все более очевидными успехами страны в социально-экономическом развитии, превращается в одну из центральных идей общественной жизни»<sup>18</sup>.

Показательно, что патриотические настроения являются в КНР не предметом споров, как в России (националистические эксцессы, с одной стороны, и пресловутая борьба с пятой колонной, с другой), а представляют собой общую осознанно выбранную позицию и руководства, и населения. Прозападно настроенная часть китайской интеллигенции и международные правозащитные организации выражают обеспокоенность тем, что эти националистические настроения могут целенаправленно использоваться руководством КПК. Однако речь следует вести, скорее, о национальном консенсусе. Это особенно наглядно выступает при анализе высказываний китайских политиков и интеллектуалов. Большинство из них считают глобализацию необходимой исторической тенденцией и рассматривают ее как новую стадию процесса модернизации собственной страны, которая, как считают китайские исследователи, может быть осуществлена только на основе национального единства страны. По мнению китайских ученых, западная теория гуманитарных интер-

венций и ограниченного суверенитета, которая стала идеологической основой для вмешательства в дела Афганистана, Югославии, Ирака и др., используется правящими кругами западных стран всего лишь для осуществления собственной гегемонистской политики. Китайские авторы подчеркивают, что гуманитарные интервенции неправомерны, так как осуществляются без санкции ООН, но они столь же неправомерны и когда имеют эту санкцию, если преследуют лишь интересы стран «триады»<sup>19</sup>. По словам Чжоу Ичжи, в настоящее время сложилась опасная ситуация, когда некоторые могущественные государства, прикрываясь указанными теориями «под флагом глобализации пытаются ослабить позиции суверенных государств в решении внутренних и международных проблем»<sup>20</sup>. Прежде всего, китайский автор указывает на США, которые под прикрытием формального равенства государств пользуются своим могуществом и лишь расширяют свой суверенитет за счет суверенитета других государств.

Китайские исследователи Ма Чжунлян и Юй Сяоцинзнь определяют глобализацию не как простой процесс унификации, а напротив, как процесс, полный противоречий, включающий в себя тенденции и к интеграции, и к разделению, и к единству и к многообразию, и к интернационализации и к почвенничеству<sup>21</sup>. Поэтому для стабильного развития, считают они, необходим баланс между личностью, обществом и природной средой, поддержка развивающихся стран, беды которых являются проблемами всего человечества, принятие этических кодексов, регулирующих глобальную экономическую деятельность. Что касается последних, то китайские ученые готовы предложить для этой цели принципы конфуцианской этики, но при этом отдают себе отчет в том, что всеобщих этических норм вне национально-культурной привязки не существует. Как пишет Ли Маосень, экономическая глобализация в определенной степени наносит удар по традиционным ценностным представлениям национальных государств, порождает новые международные критерии и нормы, однако различные государства, воспринимая и реализуя эти всеобщие международные ценности, должны соединять их с собственными традициями<sup>22</sup>. Показательно, что по мнению российских ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия — не просто носители функций, а прежде всего, патриоты... Рациональное здесь — не декартовское, а конфуцианское»<sup>23</sup>, сочетающееся, безусловно, добавим от себя, с изрядной долей политического прагматизма.

Индия также является страной, способной создать альтернативную национальную модель глобализации на собственной цивилизационной основе. После завоевания независимости правительство Индийского Национального Конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е гг. к отказу от системы регулирования и контроля над импортом, от ограничений на деятельность ТНК и приток иностранного капитала. Однако индийские лидеры того времени, в отличие от китайских руководителей, усмотрели в привлечении зарубежного капитала источник экономического роста, в то время как в Китае само развитие экономики вследствие политики регулируемого государством рынка привлекало этот капитал. В результате в 1980—1990-е гг. уровень экономического развития Индии мало изменился. Прямые иностранные инвестиции в целом не оправдали ожиданий, и рост потребления предметов роскоши не повлек за собой экономического прогресса. Стране все еще трудно справляться с проблемой массовой нищеты, висящей тяжелым грузом на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е гг. лишь усугубили положение, причем не только нищих, но и бедных (например, лиц с небольшими вкладами).

В то же время глобализация не принесла Индии и каких-либо значительных потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Это явилось следствием того, что в индийском обществе сохранялось общее мнение о необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами страны. Глобализация не рассматривалась как одномерный процесс, и считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. Как отмечает Е.А. Брагина, в этой стране существовало и существует согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка. В результате позиции национального капитала продолжали укрепляться в условиях глобализации. Приватизация части государственного сектора оказалась более успешной и эффективной, чем в России. Реформы шли без скачков и разрушений, что выгодно отличало их от российских реформ<sup>24</sup>. Правда, доля страны в международной торговле продолжала неуклонно снижаться, роль ПИИ оставалась незначительной. Упор делался на развитие внутреннего рынка. Это была вовсе не политика автаркии, но разумное сосредоточение на собственных проблемах. В результате ряд из них удавалось успешно решать.

Наверное, пока преждевременным будет говорить, что внятная альтернативная национальная стратегия в Индии уже сложилась, но все предпосылки к этому имеются. Это пестрое в культурном отношении общество способно инкорпорировать в свой состав различные культурно-идеологические конструкты, сохраняя при этом своеобразие. У Индии, считает Т. Шриниваса, как у богатой и древней цивилизации, есть потенциал и для культурной эмиссии, и для выработки альтернативных структур современности<sup>25</sup>.

Опыт выработки национально-региональной стратегии глобализации у стран Юго-Восточной Азии принадлежит скорее прошлому, чем будущему. Успех «азиатских тигров» в 1980-е гг. был связан как раз с использованием их национально-культурных особенностей при проведении политики модернизации и открытости. Но неверной оказалась сама стратегическая линия — поиск удачного места в глобальной экономике вместо ориентирования на приоритеты собственного национального экономического развития. В результате глобализированные экономики стран ЮВА оказались в жесткой зависимости от капризов глобальной финансовой системы и во многом утратили свой национальный суверенитет. Вследствие такой политики очередной шторм в океане мирового капитала смыл достижения этих стран.

Что же касается Латинской Америки, здесь мы пока не видим симптомов выработки альтернативной континентальной стратегии глобализации. Народные массы в этих странах всегда отличались революционностью, а элиты ориентировались на интересы США, а не на собственные национальные интересы. Положение в этих странах характеризуется слабостью представительной демократии, военными конфликтами, ростом внешнего долга. Череда экономических крахов в этих странах в 1990-е гг. (Мексика, Бразилия, Перу, Аргентина) явственно свидетельствует, что четкое следование компрадорских элит рецептам МВФ не принесло этим странам никакого эффекта. Вполне естественно, что раскол между элитами и массой не способствует национальному консенсусу и выработке единой альтернативной стратегии глобализации. Странам континента предстоит решать задачи восстановления независимости от ТНК и развития демократии. Осознание этого объясняет приход к власти левых правительств в Бразилии, Венесуэле, Боливии, Чили. Однако во всем этом пока больше политического популизма, чем содержательной альтернативы. Видимо, к сожалению, выработка альтернативной стратегии глобализации здесь является делом не ближайшего будущего.

Из африканских стран в качестве претендента на альтернативную стратегию глобализации в настоящее время может рассматриваться только ЮАР — государство в высшей степени открытое западным влияниям. Это касается как белого населения, так и чернокожего и вообще цветного, традиции борьбы которого с апартеидом формировались в основном по западным же стандартам. Однако пока в действительности ЮАР отстает в плане усвоения методов преуспевания в глобальной экономике. В свое время президент ЮАР Табо Мбеки выдвинул концепцию «африканского ренессанса», включающую в первую очередь решение, естественно, наиболее болезненных для Африки в целом проблем — развитие демократии, достижение приемлемых темпов экономического развития, освобождение от бремени долга, борьбу со СПИДом, освоение культурного богатства исторического прошлого народов Африки. По существу, это стратегия привлечения западных инвестиций, придания положительного имиджа странам континента, прежде всего ЮАР, традиционно связанной с Западом. Речь здесь идет не столько о выработке альтернативной стратегии глобализации, сколько об усвоении западных ценностей для решения задач индустриального периода. Безусловно, ЮАР является субрегиональным лидером, и поэтому ее глобальное значение будет возрастать. Как пишет Э. Бернстейн, «альтернативная африканская концепция существует, но в настоящее время она слишком слаба и противоречива»<sup>26</sup>.

Другие страны мира скорее приспосабливаются к существующей глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это приспособление получается отчасти успешно — как, например, у аравийских монархий<sup>27</sup>, хотя в полной мере усвоить западные стандарты жизни и выработать собственные геополитические стратегии и национальную модель развития здесь особо и не удается.

Включившись в мировое хозяйство как страны-нефтепроизводители, нефтяные монархии в 1950—1970-х гг. оказались втянутыми в процессы индустриализации и урбанизации, к которым общества этих стран оказались совершенно неготовыми. Традиционные социальные слои и группы вынуждены были входить в новую для них систему отношений капиталистического общества. В ходе социально-экономических реформ постепенно формировались новые социальные классы и слои: буржуазия с быстро поляризовавшимися верхними и нижними группами; рабочий класс, в котором основную массу составляли иностранные рабочие из стран Азии и Африки, интеллигенция и служащие, получившие

высшее образование, но не всегда обладавшие деловой и общей культурой, отвечавшей современному уровню. В то же время в силу стремительности социальной трансформации общества в нем не успели «перевариться» многие традиции. Образовался, как отмечает А.И. Яковлев, кентаврический симбиоз «традиционного и современного: шейх-банкир, принц-предприниматель, рабочий — владелец верблюда, служащий-торговец. Аравия оказалась включенной в Современность, не успев выйти из своей Традиции»<sup>28</sup>.

Следствием этого стало сосуществование разнопорядковых пластов общественной жизни: наряду с весьма поверхностной вестернизацией сохраняется в неизменной роли ислам как духовная основа жизни общества, абсолютная власть правящих семей (декорированная некоторыми элементами парламентаризма), в саудовских городах возникают кварталы, населенные выходцами из одной местности, остается и поддерживается значимость племенного происхождения с делением на племена «благородные» и «неблагородные», уважение к шейхам не в силу их нынешнего материального положения, а в силу обычая, отношение к правящей семье Саудидов не как к королевской династии, а как к семье шейха шейхов<sup>29</sup>.

Справедливости ради нужно признать, что действительно, некоторые черты западной деловой этики и поведения все же удалось перенять, но в целом социальная структура, социальный строй, социальные отношения, ценности, идеалы и нормы поведения остались, конечно же, традиционными. Аналогичная ситуация сложилась и в сфере политики. Заимствованная на Западе административная система министерств функционирует в Аравии достаточно успешно, но сущность этой системы там совсем иная. Правительство, его глава и главы отдельных ведомств ответственны перед монархом и назначаются им точно так же, как века назад монарх выбирал своих советников по своему изволению. Стоит добавить, что и местная администрация построена по такому же принципу: контроль над ключевыми городами и провинциями саудовского королевства сохраняют эмиры из семьи Саудидов. Во всех аравийских монархиях действует авторитарный тип власти, но означает он не просто всеобъемлющий контроль государства над общественной жизнью, а контроль конкретной *семьи, династии, клана*, для которой государство стало всего лишь своеобразной формой реализации властных устремлений. Важно отметить, что при видимом внешнем сходстве с аналогичными европейскими государственными структурами внутренняя природа аравийской власти совершенно иная и своими традициями уходит в далекое прошлое.

Ситуация в странах Тропической Африки, расположенных к югу от Сахары, еще хуже — это полностью несостоявшиеся (экономически, политически, социально и т.д.) этноплеменные государства, модернизация которых в обозримом будущем невозможна<sup>30</sup>. Причины этого связаны не только с этнокультурными особенностями, но и со степенью реальной востребованности ресурсов этих стран глобальной экономикой.

Иными словами, это означает, что по отношению к большинству стран «третьего» и «четвертого» мира говорить о возможности выработки ими собственных национальных стратегий с целью вхождения в общемировые глобализационные процессы в соответствии с истинными национальными интересами в обозримом будущем не представляется продуктивным. Но они, повторюсь, вполне реальны (и отчасти реализуются) в отношении так называемых новых индустриальных стран, которые, чем дальше, тем в большей степени осознают необходимость в заключении новых региональных союзов.

Профессор А. Моханти видит новую историческую перспективу в создании геополитического треугольника «Россия — Индия — Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не могут быть обеспечены в однополярном мире, что, конечно, изначально представлялось вполне очевидным. Сближает эти три страны общность их стратегических позиций, с которыми они выступают: за демократизацию глобального международного порядка, за укрепление роли ООН, против расширения НАТО и общего противника в лице исламского фундаментализма и международного экстремизма. По мнению индийских ученых Д. Каушика и М. Сингха, настало время объединить усилия Индии, Ирана, Китая, России и Малайзии для выхода из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий — для себя и для других стран<sup>31</sup>. На наш взгляд, основой такой стратегии должен стать, в первую очередь, отказ от неолиберальных догм, укрепление собственного государственного суверенитета и роли национальных государств как инструментов решения глобальных проблем.

Из всего сказанного выше становится ясно, что различные возможные макрорегиональные модели геополитического переустройства сложившегося на сегодня миропорядка представляются совершенно реальными и являются мощным фактором противодействия дальнейшему развитию глобализационных процессов как распространению Евро-атлантической модели глобализации, а если говорить точнее, именно национальных интересов Соединенных

штатов Америки. А это в свою очередь означает, что будущее глобализации предопределено отнюдь не однозначно. И представляется вполне вероятным, что историческое развитие событий может привести к тому, что уже в ближайшей исторической перспективе вновь наступит «эпоха Азии», а точнее Евразии или еще точнее, Большой Евразии, предполагающей экономическое, военно-политическое, общекультуральное доминирование на мировой арене альянса стран, находящихся в географическом диапазоне от Восточно-Европейского ареала до Дальневосточного, стран Юго-Восточной Азии, Ирана и Индии.

В связи с этим интересно отметить, что пока повсеместно идут оживленные дискуссии по этому вопросу, а также по поводу недопустимости дальнейшего существования однополярного мира и о необходимости или, как минимум, целесообразности устройства мира с двумя полюсами, человечество без громких деклараций и официально принятых решений (например, на уровне ООН) уже реально вступило в своеобразный многополярный мир — мир с множеством разрозненных конкурирующих центров силы и региональных противодействующих балансов. При этом сложившееся на текущий момент состояние в мире в целом таково, что становится возможным даже малыми усилиями нарушить равновесное мирное сосуществование, используя небольшие силы, инициировать, спровоцировать конфликты, а в итоге — привести в движение несоизмеримо более существенные политические, экономические, финансовые, а также, к сожалению, военные ресурсы, что в свою очередь вызывает, как правило, новый виток напряженности, политическую конфронтацию и военные конфликты и неизбежно будет способствовать дальнейшему усугублению достигшего своего предела мирового беспорядка. Это подтверждает утверждение, что мир стал не просто очень хрупким, но и предельно предрасположенным к нарушению равновесного состояния. Таким образом, используя терминологию физической науки, можно сказать: **современный мир в целом находится в состоянии неустойчивого равновесия**. Такое глобально неустойчивое состояние особенно болезненно отражается на ситуации в тех государствах, которые мы в первой части статьи (2016, № 8) квалифицировали как псевдонациональные.

Многие из них, как правило, пребывают в таком состоянии экономической, социальной и политической нестабильности, что малейшие воздействия как извне, так и изнутри способны вызвать значительные социально-политические потрясения с далеко идущими и зачастую непредсказуемыми по степени своей разруши-

тельности последствиями. В сложившихся обстоятельствах решающую роль играют политическое хладнокровие, сдержанность в реальных действиях, объективная оценка происходящих процессов, научно обоснованное комплексное прогнозирование перспектив при каждом из вариантов сиюминутного реагирования на текущую, во многом, умышленно создаваемую (провоцируемую) ситуацию и на основе этого проявление искусства дипломатического регулирования конфликтов.

Еще 10–15 лет тому назад в контексте развивающихся глобализационных процессов и ответной реакции со стороны национальных государств (о чем неоднократно говорилось), со всей однозначностью проявивших себя, мы предсказывали такое развитие событий и предлагали ускорение создания **макрорегиональных альянсов** как очередного (уже назревшего) этапа глобализации (см., например: *Мариносян Х.Э.* Генезис и диалектика национализма. — М.: Академия гуманитарных исследований, 2006). В настоящее время Китай не только активно выступает с таким предложением, но и стремится методично его реализовать. Китайская инициатива звучит лаконично, но необычайно емко: «Один пояс, один путь». Китайское представление об осуществлении этого грандиозного проекта, по сути, означает объединение всех евразийских стран в единое экономико-социально-культурное пространство посредством сети автомобильных дорог, аэропортов, железнодорожных путей, морских и речных портов, трубопроводов нефти, газа и питьевой воды, линий электроэнергетических сетей и подстанций, телекоммуникационных линий и ретрансляторов, зон промышленного развития. Если будет реализована китайская инициатива, появится гигантское пространство для масштабного разворачивания сотрудничества практически во всех сферах — торгово-экономической, туристической, культурно-просветительской, в сфере образования, промышленности, банковско-финансовой, правовой; постепенно будут ликвидироваться ограничения в свободном перемещении капитала, товаров, человеческих и природных ресурсов, что сведет к условности существование межгосударственных границ и, соответственно, таможи, паспортно-визового, пограничного, миграционного контроля и собственно статуса конкретного гражданства. Предложение, безусловно, достойное китайских масштабов!

Чтобы представить себе гигантский масштаб такого макрорегионального объединения и, соответственно, межгосударственного сотрудничества, достаточно учесть, что в большом Евразийском альянсе будет насчитываться более 65 стран, в которых проживает

порядка 70% населения планеты и производится более 40% мирового ВВП. Эти страны уже сегодня обеспечивают более половины реального экономического роста в мире. Примерная стоимость уже заявленных проектов более чем на порядок (!) превышает стоимость пресловутого плана Маршалла, не имевшего себе равных в послевоенном мире и якобы преследовавшего сугубо экономические, чуть ли не благотворительные, цели.

Не лишним считаем здесь отметить, что во многом именно план Маршалла, конечно, с учетом предыстории — доктрины Трумэна, методично подвел к «необходимости» создания Североатлантического Альянса НАТО как военно-политического блока США, Канады и Европейских стран против СССР, препятствующего расширению сферы его влияния на страны Восточной Европы, дальнейшему распространению социалистических гуманистических идей среди многих стран Африки, Азии, Южной Америки, да и Западноевропейских стран (напомним, что в Италии и Франции коммунистические партии в то время были самыми многочисленными политическими объединениями).

Программа «Один пояс, один путь» предполагает объединение России, Средней Азии, Монголии, Китая с Европой, а Южная Азия будет связана с этим объединением по суше и морю посредством новых морских и речных портов и аэропортов. Программа изменит баланс сил в мире как на суше, так и на морях и океанах, в том числе в арктических регионах, которые уже становятся более доступными вследствие глобального потепления. Колоссальные инфраструктурные проекты предусматривают резкое повышение скорости транспортных сообщений и телекоммуникаций, что, естественно, приведет к снижению их себестоимости и потребует создания огромного количества новых рабочих мест.

В результате своей реализации китайский мегапроект вызовет к жизни крупнейший комплекс научно-технических, информационно-коммуникационных, инженерно-конструкторских, промышленно-экономических, технологических, социокультурных, научно-образовательных, сельскохозяйственных, экологических проектов, когда-либо осуществлявшихся человечеством, и тем самым ознаменует собой качественно новый этап в истории глобализации, процесса естественного, и что самое главное — добровольного объединения независимых национальных государств в макрорегиональный альянс. По мере своего осуществления программа будет создавать благоприятное экономическое пространство для взаимовыгодного сотрудничества и естественно-эконо-

мической конкуренции, чего не смогла создать ни одна империя за всю предыдущую историю человечества, пытаясь сделать это с помощью грубого вмешательства в суверенитет независимых государств, насилия над мирным населением, военных угроз и даже завоеваний.

Тем самым Китайская идея-программа «Один пояс, один путь» окажет столь существенное, и, по нашему убеждению, определяющее воздействие на преобразование современной мировой финансовой политики, валютно-резервной, кредитно-банковской системы, всей сферы геоэкономики и геополитики, что **в целом приведет к установлению нового миропорядка.**

В итоге новое мегарегиональное объединение — Большой евразийский альянс — ознаменует собой рождение и реальное существование нового двуполярного мира.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. — М.: Наука, 1999. С. 308–343.

<sup>2</sup> Там же. С. 315.

<sup>3</sup> Там же. С. 324.

<sup>4</sup> Там же. С. 338.

<sup>5</sup> Там же. С. 343.

<sup>6</sup> См.: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М.: Культурная революция, 2008. С. 385–413.

<sup>7</sup> Например, сегодня Китай пытается удержать вторжение рынка в общество политически и цивилизационно-культурно. Пока это удастся в достаточной мере, хотя 25% населения в городах изменили свой образ жизни (см.: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. С. 537–539).

<sup>8</sup> См. там же. С. 540–558.

<sup>9</sup> Там же. С. 562.

<sup>10</sup> См.: Huntington S. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. — N. Y., 1996. P. 75. См. также: Федотова В.Г. Мир культур против культуры мира // Свободная мысль. 2003. № 8. С. 32–41.

<sup>11</sup> Буров В.Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. — М., 2005. С. 48.

<sup>12</sup> См.: Глобализация сопротивления. — М., 2004. С. 67.

<sup>13</sup> См.: China Journal. 2000. Vol. 43. P. 55–81.

<sup>14</sup> См.: Транснациональные процессы: XXI век. — М., 2004. С. 265–266.

<sup>15</sup> См.: Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 18.

<sup>16</sup> Ань Вэй. Глобализация и право // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 169.

<sup>17</sup> См.: Человеческий потенциал России / под ред. И.Т. Фролова. — М., 1999.

- <sup>18</sup> Буров В.Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации. С. 49.
- <sup>19</sup> См.: Гао Шуцинъ. Глобализация: оценки и возможная модель развития // Транснациональные процессы: XXI век. – М., 2004. С. 268.
- <sup>20</sup> Судьба государства в эпоху глобализации. С. 56.
- <sup>21</sup> См. там же. С. 59.
- <sup>22</sup> См. там же. С. 58.
- <sup>23</sup> Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 18.
- <sup>24</sup> См.: Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 17.
- <sup>25</sup> См.: Многоликая глобализация. – М., 2004. С. 123.
- <sup>26</sup> См. там же. С. 225.
- <sup>27</sup> См.: Яковлев А.И. Аравийские монархии на пороге эры глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 72–82.
- <sup>28</sup> Там же. С. 75.
- <sup>29</sup> См. там же. С. 76.
- <sup>30</sup> См.: Лебедева Э.Е. Проблемы социальной идентичности в условиях глобализации (На примере Тропической Африки) // Глобализация и столкновение идентичностей. – М., 2003. С. 338–350; Фоноу-Чуигоу Б., Касанда А. Африка к югу от Сахары // Глобализация сопротивления. – М., 2004. С. 122–133; Андреев И.Л. Под небом Африки // Вестник Российской Академии наук. 2004. Т. 74. № 3. С. 285–288; Андреев И.Л. Человек по имени деньги // Вестник Российской Академии наук. – 2006. Т. 76. № 2. С. 139–147.
- <sup>31</sup> Мировая экономика и международные отношения. – 2002. № 2. С. 17.
- <sup>32</sup> Там же.

#### REFERENCES

- Andreev I.L. A Man Called ‘Money’. In: *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2006. Vol. 76. No 2 (in Russian).
- Andreev I.L. Under the Sky of Africa. In: *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2004. Vol. 74. No 3 (in Russian).
- An Wei. Globalization and Law. In: *Voprosy filosofii* [The Issues of Philosophy]. 2005. No 2.
- Bensaïd D. The Broken Mirror of Neoliberalism. In: *Alternativy* [Alternatives]. 1998. No 4 (Russian trans.).
- Burbach R., Robinson W.I. The Fin de Siècle Debate: Globalization as Epochal Shift. In: *Science & Society*. New York, 1999. Vol. 63. No 1.
- Burov V.G. The Chinese Attitude toward State under the Conditions of Globalizations. In: *The Destiny of State in the Age of Globalization*. Moscow, 2005. (in Russian).
- Burov V.G., Fedotova V.G. The Chinese Experience of Modernization: Theory and Practice. In: *Voprosy filosofii* [The Issues of Philosophy]. 2007. No 5 (in Russian).
- Cox R.W. *Global “Perestroika”. Approaches to World Order*. Cambridge, 1996.

Fedotova V.G. The World of Culture Versus the Culture of the World. In: *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. 2003. No 8 (in Russian).

Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. *Global Capitalism: Three Great Transformations. Social and Philosophical Analysis of Relationships of Economy and Society*. Moscow, 2008. 608 p. (in Russian).

Fonou-Chuigou B., Kasanda A. Africa to the South of the Sahara. In: *Globalizatsiya Soprotivleniya*. Moscow, 2004, pp. 122-133 (in Russian).

Frolov I.T. (ed.). *Human Potential of Russia*. Moscow, 1999 (in Russian).

Gao Shuqin. Globalization: Assessments and Possible Model of Development. In: *Transnational Processes: The 21<sup>st</sup> Century*. Moscow, 2004 (Russian trans.).

Harvey R. *Global Disorder*. London, 2003.

Huntington S. *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*. New York, 1996.

Inozemtsev V. Several Hypotheses on the World Order of the 21<sup>st</sup> Century. In: *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. 2003. No 11 (in Russian).

Inozemtsev V.L. *Divided Civilization*. Moscow, 1999 (in Russian).

Inozemtsev V.L., Karaganov S.A. On the World Order of the 21<sup>st</sup> Century. In: *Rossiya v global'noy politike* [Russia in the Global Politics]. 2005. No 1 (in Russian).

Kollontay V. Evolutions of the Western Concepts of Globalization. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2002. No 2 (in Russian).

Lebedeva E.E. Problems of Social Identity under the Conditions of Globalization (The Case of Tropical Africa). In: *Globalization and Clash of Identities*. Moscow, 2003 (in Russian).

Marcos, subcomandante. The Fourth World War Has Begun. In: *Alternativy* [Alternatives]. 1998. No 4 (Russian trans.).

Marshall D. Understanding Late-Twentieth-Century Capitalism: Reassessing the Globalization Theme. In: *Government and Opposition*. 1996. Vol. 31. No 2.

McMichael Ph. Globalization: Myths and Realities. In: *Rural Sociology*. 1996. Vol. 61. No 1.

Navarro V. Neoliberalism, "Globalization", Unemployment, Inequalities, and Welfare State. In: *International Journal of Health Services*. 1998. Vol. 28. No 4.

Perrot E. Penser la mondialisation. In: *Recherches de science religieuse* [Religious Science Researches]. Paris. 1998. Vol. 86. No 1.

Rivero O. de. *The Myth of Development*. London, New York, 2001.

Rugman A. *The End of Globalization*. London, 2000.

Salitsky A. The Challenges of Globalization and the Problems of Large Semi-Periphery Countries. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2002. No 2 (in Russian).

*The Destiny of State in the Age of Globalization*. Moscow, 2005 (in Russian).

*The Globalization of Resistance*. Moscow, 2004 (in Russian).

*The Multifaceted Globalization*. Moscow, 2004 (in Russian).

*The Practice of Globalization*. Moscow, 2000 (in Russian).

*Transnational Processes: The 21<sup>st</sup> Century*. Moscow, 2004 (in Russian).

Yakovlev A.I. The Arab Gulf Monarchies on the Verge of the Age of Globalization. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2002. No 5 (in Russian).

### **Аннотация**

В предлагаемой статье автором делается попытка поиска ответов на основной вопрос о противостоянии современных национальных государств глобализационным процессам, неуклонно и методично нивелирующим характерный для отдельных социальных общностей культурно-исторический опыт, обнаруживающий себя в языке, обычаях и традициях, религии, искусстве, повседневном быту: где должна пролегать граница неизбежного соприкосновения собственного, особенного – национального? Как объединить, на первый взгляд, несовместимые культурные практики: с одной стороны, свои – традиционные, укоренившиеся на уровне коллективного бессознательного, – и, с другой стороны, привнесенные, чуждые, зачастую навязанные, что в итоге и будет определять современный образ жизни населения этих стран, позволяющий в большей или меньшей степени на равных вписаться в общемировое культурно-цивилизационное пространство.

**Ключевые слова:** современное национальное государство, глобализационные процессы, центр, периферия, традиции, культурный опыт, вестернизация, мирохозяйственная система, экстернализация, отток капитала, культурная деградация, неолиберализм, МВФ, ВТО.

### **Summary**

In the article, the author attempts to find an answer to the main question of the confrontation of contemporary nation-states with globalization processes, which gradually and systematically neutralize specific cultural and historical experience, embodied in language, customs, traditions, religion, art and everyday life of the various societies. Where should lie the contact line between the national and the global? How to reconcile the traditional time-honored cultural practices with the foreign borrowed practices? The outcome of these processes will determine the modern life-style of people of the countries and the place they will take in the global cultural and civilizational space.

**Keywords:** contemporary nation-state, globalization processes, center, periphery, traditions, cultural experience, Westernization, world economic system, externalization, capital outflow, cultural degradation, neoliberalism, IMF, WTO.

*Шеф-редактор журнала «Философские науки»,  
Президент Академии гуманитарных исследований  
Х.Э. МАРИНОСЯН*